

Мартин ХРАНКО

Воробей Тулко

Мартин ХРАНКО

Воробей Тулко

*Чив-чия. Это я.
Было зерно. Где же оно?
Чив-чия. Это я.*

Так чирикал опечаленный воробей Тулко. Он скакал по замёрзшему двору и не сводил своих чёрных глаз с мусорной кучи — скоро ли вынесут что-нибудь. Сегодня ему было очень грустно. Осенью, когда кровожадный канюк Хват утащил его мамочку, он стал сиротой. А воробью, который переживает свою первую зиму, ой как несладко живётся без доброго совета.

Пришли морозы, и зёрнышек не стало. Негде от холода укрыться. А сколько внимания требуется? Старый кот Байуз, этот Хват и усатая сова Бубу только и смотрят, как бы прихватить его за рёбрышки.

Однако Тулко не сплеховал. Именно в этой постоянной смертельной опасности проявились его смекалка и зоркость. Порой он уже и подсмеивался над своими врагами.

С вечера было очень холодно. Тулко полагал, что под утро будет лютый мороз. На старом гумне он все закоулки обследовал в поисках местечка, где мог бы спокойно поспать. Наконец наткнулся на старое ласточкино гнездо. Правда, у гнезда был очень узкий леток, но у Тулко были тонкие и гибкие кости.

О-го-го! Там было тёпленько. Эти мягонькие пёрышки так приятно согревали. Он предусмотрительно высунул из гнезда только клюв и зачирикал:

*Чив-чия! Вот и я!
Было зерно. Где же оно?*

Кот Байуз ещё с обеда съёжившись сидел возле соломы. Воробьишку подстерегал. Он вовсе не был голоден, просто ему поохотиться захотелось. Мышки что — это дело пустяшное. Мышки так глупы, что порядочному коту даже подстерегать их нет надобности. Шмыг по соломе, и вот она уже в когтях.

Разве это забава?

А такой вот воробьишка — это уже кое-что!

Скачет он себе преспокойненько по двору, ты к нему крадёшься и... воробьишка весело чирикает в воздухе! Такой он негодник этот воробышек! Взять его на зуб — даже не почувствуешь. Но какое же это наслаждение — схватить его. Вот это да!

*Чив-чия. Это я!
Было зерно. Где же оно?*

Байуз вытер лапой усы. Большой негодник этот воробышек. Он и не думает рыться в соломе. Только бы добраться до него. Уж он оставил бы крылышко, чтобы все коты видели — он поймал воробья.

Чив-чия. Это я!

Байузу это чириканье показалось насмешливым. Он встал и неторопливо

покинул гумно. Нет, не поймать его сегодня. В тот гладкий угол, где находится ласточкино гнездо, ему не забраться. Ну, подожди же!...

***

Минула зима. Некоторые цветки уже проклюнулись своими тоненькими головками. Тулко был вне себя от радости. Мошки летали тучами. А ласточкино гнездо и впрямь было отличным домом. В нём совсем не дуло и можно было спать спокойно. Вот только эта глазастая Бубу! Эта старая ведьма. Глаза у неё такие большие, что просто ужас берёт. Чёрт бы её подрал. А тут, возле гнезда, пусть хоть целую ночь околачивается. Его ей точно не достать, даже если бы у неё ещё и на хвосте было два огромных глаза. Колдунья распроклятая!..

И Тулко спал спокойно. Проснулся он только тогда, когда солнце уже стояло в зените. Высунул голову из гнезда и внимательно осмотрелся.

Никого поблизости не было.

Он стремительно выпорхнул из гнезда и уселся на густую ель. Там задумался о том, как бы побыстрее запихнуть что-нибудь в желудок. Вчера вечером он наклевался вдоволь, поскольку на дворе ему попалась здоровенная корка хлеба. Но вчера было давно. Пожалуй, придётся ему подстерегать какого-нибудь кузнечика.

Сел он в межу и внимательно слушал, не отзовется ли какой-нибудь кузнечик.

Он сидел уже довольно долго, а проклятых кузнечиков нет, как нет! Как это глупо. Порядочному воробью совершенно нечем наспех успокоить желудок.

Вдруг у него словно мороз по коже прошёлся. Невысоко над собой он заметил Хвата, который закладывал вираж за виражом и глаз с него не спускал. Тулко лишь чуточку испугался, а в голове у него роились самые разные планы. Но размышлять над ними не было времени. Если бы рядом было его гнездо...

Он и сам не знал, как пришла ему в голову спасительная мысль. Так случается в минуту крайней опасности.

Ножками он крепко ухватился за землю, расправил крылья и стал трепыхаться словно умирающий. Хват, казалось, только этого и ждал. Подобно молнии он стремительно ринулся на межу. Он был уверен, что воробьишка от него уже не уйдёт. Но в последнее мгновение Тулко оттолкнулся, и Хват рухнул на твёрдую землю так, что искры из глаз посыпались. Тулко, словно только и ждал этого, что было сил пустился наутёк. Однако и Хват, одурманенный ударом о землю, кинулся следом. Он должен догнать этого воробья, чёрт бы его подрал.

Когда Тулко увидел, что Хват кинулся за ним, что он вот-вот ухватит его за хвост, из последних сил он нырнул в куст шиповника. Хват тоже туда вонзился...

Тулко спрятался за небольшим камешком. Когда отдышался немного, выглянул наружу. Перед кустом подпрыгивал Хват и... взлететь никак не мог. Тулко осмелел, уселся между самыми густыми шипами и наблюдал за Хватом. Тот пытался взлететь, но это у него не получалось.

Когда Тулко убедился в этом, он стал ещё смелее...

Хват, Хват,

Глуп ты, брат.

Чив-чия. Это я.

Будем как братья

Ты и я.

В глазах у Хвата сверкнули молнии. У Бубу глазищи были ещё больше, но они не выглядели такими ужасными. Пожалуй, этот Хват будет похуже Байуза.

Хват, Хват,

Это я...

Хват тщетно пытался выбраться. Тулко сквозь шипы с удовольствием наблюдал за этим.

Хват-брат, береги бока.

Позову я лесника... —

Прочирикал Тулко и поспешно взлетел.

Зловещий огонь в глазах Хвата смягчился.

— Тулко.

— Я лесника позову.

Хват снова попытался взлететь, но не сумел и окончательно сдался.

— Тулко, чего ты хочешь?

— Оставь меня в покое, чив-чия.

— А где лесник.

— Сейчас позову.

— Не хочу. Он из меня чучело сделает.

— Ну так будь мне другом, я не против.

— Не зови лесника.

— А что с тобой, Хват?

— Крыло у меня — словно старая подстилка.

— И есть тебе нечего.

— Я оставлю тебя в покое.

Тулко видел, какой яростью горят глаза Хвата, когда он видит какую-нибудь добычу. Но поскольку чувствовал себя в безопасности, продолжил:

— Хват, я знаю, что ты старый разбойник, но сейчас ты в моей власти. Я позову лесника. Ты этого не бойся. Ему от тебя нужны только шкура да кости. А иначе он тебя не отпустит. Ну как? Наелся, как вижу? Не бойся, я помогу тебе, чтобы не говорил потом, что я такой злой. Позову кота Байуза и буду тебе благодарен, если ты его съешь. Хорошо? Ну, подожди.

И Тулко снова поспешил улететь. Кривой клюв Хвата скрипел от злости. Но когда он почувствовал жгучую боль в крыле, страх его усилился и он позвал воробья:

— Тулко.

Тулко снова сел и с удовлетворением наблюдал за Хватом...

— Ага, тебе хотелось бы, чтобы Байуз уже был у тебя в брюхе. Однако немного терпения. Я приведу тебе и целого лесника. Можешь съесть и его вместе с его громыхалкой. Подожди! Каким же ты будешь красивым, когда станешь чучелом.

Хват совсем присмирел.

— Тулко, ты говорил о дружбе. Не рассказывай никому, где я и что со мной. Я тебя вознагражу. И защищать тебя буду.

— Ну, это лишнее. Чтоб тебя черти порвали, а нас от тебя избавили. Так и знай!

И Тулко полетел на двор лесничего так, что только крылья затрепыхались.

***

Хват остался один. Ещё несколько раз он попытался взлететь, но это ему не удалось. Каждый раз он чувствовал жгучую боль в правом крыле. Внимательно осмотрел его. Всё было не так уж плохо. Когда он в ярости ринулся за тем воробьём в шиповник, в кровь изранил себе бедро и крыло, и сломал два правильных пера. Потому и не мог держаться в воздухе.

Над его головой закружилась старая ворона Квак и закричала пронзительно. Только этого не хватало! Не ворона, а сущая чертовка. Сейчас она по всему лесу разнесёт, что видела его, и вскоре к ней присоединится целая стая этих дьявольских чёрных негодниц. А от стаи ворон, уж точно, даже ослу не отбиться.

Хват предусмотрительно забрался поглубже в шиповник, чтобы вороны его не достали. Уж он-то знал, они не простят ему того, что несколько дней назад он утащил воронёнка. Разумнее всего спрятаться. Будь их одна или две, он бы легко управился. Но трусливые вороны всегда нападают стаей.

И вот уже целый лес огласился карканьем. Это чертовки перекликались, чтобы прибавить друг другу отваги. Хват в шиповнике забился между камней, чтобы его и вовсе не было видно. На соседнем буке уже рассаживались вороны и сплетничали. Каждой хотелось, чтобы другие слушали её. Но всех перекричала Квак.

— Вот тут я его и видела. Честное слово. Смотрите туда.

— Убьём его.

— Прибьём.

— Глаза ему выключим.

— Брюхо ему распотрошим.

— Это уж точно.

— Только попадись.

— Вон нас сколько.

— И всё же подождём, когда нас станет ещё больше.

— Уж мы ему не поддадимся.

— Сзади к нему подберёмся, там он нас не клюнет.

Меж тем Тулко весело прыгал по двору. Сегодня он был в отличном настроении. О том, что Хват его едва не погубил, он почти не вспоминал. Вздумалось ему чуть-чуть подразнить Байуза. По всему двору он скакал перед самым его носом. И Байуз не заставил себя долго ждать. Несколько раз он бросался на него, и каждый раз ловил только воздух. А Тулко снова скакал в нескольких метрах впереди и издевательски чирикал:

Чив-чия. Это я.

Тот съел, кто сумел.

Я смел.

— Ну, попадётся ты мне, — пригрозил Байуз и облизал нос.

— Ага. Вон у тебя и крылья уже растут. Только ты их смолой намажь, чтобы не отвалились, и пусть их мыши каждую ночь натирают, — поддразнивал Тулко.

Вдруг от леса до него донеслось карканье. Он его сразу признал. Надо посмотреть, кому это вороны шкуру полощут. О Хвате он и думать забыл. Конечно, он пригрозил, что приведёт лесника, но зачем ему это нужно. Хват и без того достаточно наказан, раз уж летать не может.

А в лесу ну просто столпотворение. Все деревья буквально усыпаны каркающим вороньём. Тулко от души веселился. Ага! Вот уж взгреют Хвата. Так ему и надо!

Сел Тулко на куст и посмотрел на него. Бедный Хват! Сидел он съёжившись, как будто даже дышать не смел. От его воинственности и следа не осталось. Вот уж точно, если бы это вороньё накинулось на него, когда он ни улететь, ни защититься не может, от Хвата даже пёрышка не осталось бы.

Хват посмотрел на Тулко, и в его взгляде была немая просьба. Только бы он не выдал его, Иначе эти вороны тут и месяц просидят, лишь бы до него добраться. Тулко мысленно улыбнулся. Смотри-ка, этот душегуб взглядом просит его. Стоит ему только сказать этим бабам, что Хват тут, уж они его мукой присыплют.

— Тулко, ты Хвата не видел? — спросила его чёрная Квак.

И тут на Тулко нашло. Вздумалось ему проявить великодушие. А почему бы и нет! Пусть знает этот душегуб, что даже маленький воробышек кое-что может.

— Да, разумеется, видел.

— Где?

— Покажи его.

— Разорвём на куски.

— Распотрошим.

— Уж я ему задам.

И вороны каркали наперебой, и каждая обещала ему сделать ещё хуже. Тулко едва слово вставил:

— А знаете, тётушки, что он улетел?...

Вороны расселись на меже, и каждой хотелось слышать лучше других. Но главное слово было за старой Квак.

— А куда же он улетел?

— Да, в облака.

— Но я его здесь видела.

— Он хотел поймать воронёнка.

— Он разбойник. Я ему клюв порву.

— Так куда же он полетел?

— Говорил, что отправляется на смотрины.

— Это очень далеко?

— О-го-го. Это там, за большой горой.

— А по-моему я его точно здесь видела. И я от своего не отступлюсь, — божилась старая Квак.

Видел Тулко, что эти бабы просто так от куста не отстанут, а одна из них уже принялась в шиповник заглядывать. Тут ему другая идея пришла:

— Смотрите, тётушки, идёт лесник с громыхалкой.

Это помогло. Словно гром прогремел. Вся стая разлетелась в разные стороны. На кусте остался только Тулко. Хват вздохнул с облегчением.

— Ты добрый, Тулко, — произнёс он после короткой паузы.

Тулко самоуверенно посмотрел на канюка. Такое признание от столь сильного соперника пришлось ему по душе.

— Хм, и с аппетитом отобедал бы мной.

— Нет, Тулко, я голоден, но тебя не обидел бы.

— Не верю я тебе. Если бы только мог меня поймать...

Хват поднялся на ноги и пошевелил больным крылом.

— Поверь мне, Тулко. Эти чертовки меня искалечили бы. Ты меня им не выдал. Когда я снова смогу летать, я тебе этого не забуду... Тулко, — добавил он после короткой паузы, — будем друзьями.

Тулко остолбенел, ведь это сам Хват предлагает ему дружбу. А что было бы, если бы он её не принял, или выдал его леснику? Кто знает?

— Есть хочешь?

— Что-нибудь съел бы, — признался Хват и щёлкнул клювом.

Тулко улетел. Он сел возле ручья. Там было вдоволь кузнечиков. Он поймал самого крупного и принёс его Хвату. Тот, конечно же, отвернулся, поскольку до сей поры ничего подобного не ел, но, в конце концов, принял и за него. Конечно, бёдрышко было бы вкуснее, но голод — лучшая кухарка.

Так продолжалось целую неделю. Лишь иногда Хват выбирался из шиповника, и Тулко приносил ему то, что удавалось найти. Правда, ему приходилось изрядно потрудиться, прежде чем Хват набьёт своё ненасытное, как оказалось, брюхо, но он был горд тем, что может помочь такому грозному силачу.

Однажды в полдень Хват выбрался из шиповника и внимательно осмотрел повреждённое крыло. Оно уже не болело. Он вырвал сломанное правильное крыло и попытался взлететь.

Получилось. Только под лопаткой немного кололо, но это пустяк. Он закружился над долиной и от радости запищал, как это делают юные канюки. А Тулко с ветки без опаски любовался тем, как красиво у него получается, когда он даже крыльями не машет, а закладывает такие красивые виражи.

Хват пропищал ещё раз, потом почти неподвижно замер в воздухе прямо над Тулко, который им так благоговейно любовался. Словно стрела он кинулся на шиповник, и в следующее мгновение Тулко был у него в когтях. Лес расшумелся, а Хват молчал. И только высоко в небе звучало без ответа:

Чив-чия. Это я.

Было зерно.

Где оно?

***

Солнышко заходило. Большая стая ласточек держалась в воздухе из последних сил. Далеко от стаи летели Чимра и Шико. Они уже обессилели. Под крыльями у каждого словно уголья пылали.

Ох уж эта дорога! Над морями, над реками, над упирающимися в небо горами и зелёными долинами многочисленный птичий народ поднимается всё выше и выше, туда, где солнышко не так палит. И ни один из этой многочисленной стаи не скажет определённо, зачем он это делает. Каждый думает только о зелёных склонах, о гнёздышке, из которого он впервые выглянул на этот Божий свет.

— Потерпи ещё совсем немного, — подбадривал Чимру Шико. — Там, за той горой отдохнём. Там будем ночевать.

— Но я совсем без сил, — отвечала ему Чимра. — В голове шум, крылья не слушаются. Мы упадём.

— Ты потерпи совсем немного, ведь мы почти у цели.

Шико ободрял Чимру, но и ему была нужна поддержка. Уже два дня в клюве у него не было даже мошки. Утром он поймал тощего комарика, но отдал его Чимре, и тотчас они должны были лететь, так распорядился вожак. А сейчас.. у него даже язык пересох.

Он собрался с духом и, чтобы себе и ей добавить сил для продолжения полёта, завёл речь о доме:

— А помнишь ли, Чимра, как там красиво? В прошлом году ты ещё не умела строить гнездо. Приносила мне сухой песок. А однажды принесла большой камень. Зато сейчас оно такое красивое. Во всей округе нет такого красивого гнезда. Очистим его, наносим свежих пёрышек, а потом отправимся к ручью за комарами. Знаешь, какие вкусные там комары? Таких уж точно нигде не найдёшь. Потом ты будешь сидеть на яичках, а я буду носить тебе мошек.

— Ах, в самом деле, — вздохнула Чимра, которая ненадолго забыла об усталости, — Если бы это было не так далеко.

— Уже не далеко, — утешал её Шико. — Ещё дважды увидим восходящее солнце и будем на месте.

— Шико, я обессилела, я сажусь.

Шико видел, что Чимра чем дальше, тем ниже спускается, и потому он принял решение отдыхать, чтобы она не упала где-нибудь по пути.

— Ну, будем спускаться. А их мы утром догоним. Да мы и сами нашли бы дорогу. Давай-ка к т ому густому дереву, чтобы ночью на нас сова не напала.

Чимра почти без чувств села на густую ветку, а потом придвинулась поближе к стволу, чтобы её не было видно. Шико через силу всё же облетел окрестности — нет ли где-нибудь неприятеля. Ему повезло. По пути он поймал тощего комарика. Принёс его Чимре, но та уже спала. Он клюнула ножку, спрятала голову под крылышко и снова уснула.

Шико нанизал комарика на шип, сел возле Чимры и тоже задремал. В этих местах он опасался спать крепко, поскольку даже ночью их всюду подстерегали опасности.

Стоило задремать, как ему показалось, что он вздрогнул всем телом. Неподалёку послышались неясные звуки, от которых мороз продирал до костей. Старая Бубу заявила сюда на охоту, поскольку дома едва ли не каждый научился от неё спасаться. Сейчас она с кем-то вела разговоры о том, что у них будет на ужин. Шико напряжённо вслушивался, Чимра спала словно убитая.

— У-ху-ху, тут будет лучше. Воробьи и мышки мне уже опостытели. Но сегодня, у-ху-ху, это было что-то

— Где же ты так наелась.

— У-ху-ху, хлопчик, тебе следовало бы знать, что, где и когда. Сейчас пролетают чёрные ласточки, и вот они... Хлопчик... Ну, просто объедение.

— Как же их ловить, мама? Ведь они летают так быстро.

— Глупый ты ещё. В полёте их не поймать, они такие ловкие. А днём у тебя ещё и глаза болят. Значит, ты должен подстерегать их под вечер. Весь день они летят, к вечеру теряют силы, и вот тогда ты можешь что-нибудь поймать. Главное — примечай, где они на ночь сядут, и тогда доберёшься до них без труда. Уж это точно, хлопчик.

— Ух-ху-ху, мама, а у меня аппетит разыгрался... Под утро я нашёл только дохлую мышь, но мы же не станем питаться мертвечиной.

— Ради неё, у-ху-ху, я уж точно с места не сдвинусь. Смотри сам. Но кое-что я тебе посоветую. Присмотрела я тут две птахи. Где-то в ветвях спрятались. Вот их и ищи. Какое-нибудь рёбрышко, глядишь, и я облизала бы.

Шико оцепенел. Это совиное чудище уселось на ветку прямо под ними и угукало, чтобы их напугать. Чимра проснулась и принялась дрожать всем телом. Шико отодвинул её в сторону, где ветви были погуще. Будь дело утром, Бубу и её сын их ни за что не нашли бы, но сейчас! Стоило задеть какую-нибудь ветку, и конец!

— Посмотри, хлопчик, ведь они прямо над тобой. Я же сказала, что ты ещё глупый. Вон туда посмотри, возле ствола. Думаю, их там больше. У-ху-ху, вот будет ужин!

— Но, мама, я их не вижу, — говорило снизу другое страшилище.

— Говорю же, что ты глупый.

Ласточки дрожали от страха. Шико уже готов был взлететь, но что будет делать Чимра? Он не может её так оставить. В таком случае, пусть съедят их вместе. Ведь без Чимры ему и родное гнездо не мило.

— Вот уж будет ужин, так ужин, — говорило снизу то страшилище, и глаза его при свете луны кошмарно сверкали.

Обе совы сели на сук совсем рядом. Глаза их зловеще сверкали. Клацающие клювы усиливали смертельный страх. Шико подталкивал Чимру поближе к стволу. Вдруг он заметил прямо над собой большое дупло. Кинулся туда, но...

Дом, дом, дом.

Я хозяин в нём!

Из дупла высунулся длинный клюв, потом голова с распущенным гребнем. Шико и Чимра ещё теснее прижались к стволу.

Я от голода зол.

Сунься раз —

Выколю глаз.

Продолжал угрожать удад. Правда, никто его не боялся, но и связываться с ним никто не хотел из-за отвратительного запаха.

— Мама, пойдём отсюда, тут так воняет.

— Ты прав, хлопчик, кто же вынесет такой запах!

Сунься раз —

Выклюну глаз.

Совы презрительно клацнули клювами и исчезли в ночной темноте. Шико и Чимра прижались друг к другу.

— Не бойся, — сказал Шико. — Удада все сторонятся. Мы можем спать спокойно.

— Только троньте меня, сразу глаза выколю, — ещё раз пригрозил им удад и втянул свой длинный клюв в дупло.

— Не бойся его, он только грозит, а сам больше нашего боится, — объяснил Шико.

Когда появилась первая утренняя звезда, две ласточки полетели дальше на север.

***

*Хват, братишка.
Уж это слишком.
Отпусти воробьишку,
Братишка.*

Так уговаривал Тулко Хвата, и голос его дрожал от страха. Однако Хват не отвечал и лишь посвистывал лукаво. Они уже летели высоко над облаками, и всё, что лежало внизу, казалось Тулко однообразной равниной. Он замёрз. Там, возле земли, ему по крайней мере не было так холодно. А эти хватовы когти, которые сжимали его так надёжно! Правда, ни один пока ещё не впился ему в бедро, но зачем же его так долго мучать? Уж лучше сразу уничтожить, чтобы не терзался ожиданием. Как всё же жестоки эти хищники. Наслаждается муками несчастного воробьишки.

И какая неблагодарность! Он спас его от ворон, которые уж точно перебрали бы ему перья, и... этот неблагодарный так ему отплатил. Вот уж действительно, порядочному воробью не следует полагаться на благодарность могучего хищника, лишь бы это недолго длилось! Уж прибил бы его!

Такие вот мысли роились в голове у Тулко. Он был готов ко всему. Даже не пытался высвободиться. У него и сил-то на это не было. Он обмяк, словно бесчувственная падаль. А Хват молчал. Вот уже и солнышко зашло. Тулко глянул было на восходящую луну, и свесил голову.

Более тёплый вечерний ветерок овеял его. Он открыл глаза. Хват низко кружил над голыми скалами и пронзительно посвистывал. С разных сторон ему отзывались таким же свистом. И вот уже показались такие же как Хват существа. Среди них одна была настолько большой, что крылья у неё были не меньше чем у трёх Хватов. Тулко только клюв открыл и ждал смерти.

Хват сел на скалу и рядом с ним расселись несколько хватов. Потом его схватила в когти огромная Хватица, а Хват что-то объяснял другим хватам и хватихам. И все они удивлённо бормотали. А Хватица взяла принялась расправлять ему пёрышки на голове. Странная Хватица!

Внизу раздалось пронзительное посвистывание. Это хваты меж собой так переговаривались, что Тулко их вовсе не понимал. Потом все они расселись возле него. И Хват ещё с большим волнением что-то талдычил.

«Ну, уж съели бы меня наконец», — думал Тулко. Каждую минуту он ожидал что эта огромная Хватица клюнет его по голове, и конец ему. Однако — ничего подобного. Только Хват произнёс:

— Ты добрый воробей, Тулко. А съел бы что-нибудь?

Тулко распахнул глаза словно после кошмарного сна. Ушам своим не верил. Что мелет эта хищная сволочь? Но в голосе Хвата не было враждебности.

— Подожди, я чем-нибудь угощу тебя, — продолжал Хват. — Принеси-ка, — обратился он к одному из хватов. Тот весело просвистел, взвился в воздух и исчез за могучими скалами.

— Тулко, крошка, я тебя чем-нибудь угощу, — бормотала старая Хватица, и в голосе её звучало что-то материнское. Она выпустила его из своих смертоносных когтей, и Тулко поскакал между хищниками так, словно они и не были хищниками. Какая всё-таки странная эта Хватица. Какой у неё строгий голос, острые когти, и в то же время...

А этот Хват! Никакой он не хищник. Как учтиво он умеет говорить.

И тут произошло нечто, чего с Тулко прежде не случалось. Та старая Хватица сначала принесла сухую кисть винограда. Тулко клюнул несколько ягод. А вскоре настолько освоился, что танцевал на спине у этой Хватицы и клевал её в голову. А все прочие перекатывались с крыла на крыло рядом с ними и весело свистели. Потом Хватица схватила его в когти и взлетела высоко-высоко. А там отпустила его.

— Берегись, Тулко, я буду тебя ловить. И кое-что тебе покажу.

Тулко падал вниз. Он даже крылья толком открыть не успел, а Хватица уже держала его в когтях, и снова несла ввысь.

— Так не годится, Тулко. Так тебя даже сова поймает. Ты опусти голову вниз, а когда кто-нибудь будет у тебя на хвосте, перевернись на спину.

И Хватица долго тренировала Тулко, покуда он не научился. Потом взяла его в когти и снова спустила на скалы.

Там было оживлённо. Пожалуй, хваты со всей округи собрались, чтобы отпраздновать избавление Хвата. И Тулко везло как никогда. Хваты и хватицы принесли ему несколько полных колосьев, потчевали его сушёной черешней и замоченным ячменём. Это было нечто, отчего животик очень даже приятно разбух.

Тулко и забыл, что он среди хищников. Он скакал у них по спинам, клевал их в головы и чирикал во всё горло. К утру он был совсем без сил. Тогда старая Хватица взяла его под крыло, и никогда прежде Тулко не спалось так сладко. Он даже запел.

Чив-чия.

Это я.

А потом уже и не слышал, как продолжали веселиться эти хваты и хватицы.

***

Когда зашёл месяц, Тулко проснулся. Он свалился в сухую прошлогоднюю траву и открыл глаза. Над собой увидел огромного хищника. Но постепенно всё уложилось в голове. Все хищники уже улетели, и только старая Хватица ещё сидела и смотрела на него с такой нежностью. Тулко её уже не боялся, хотя она и выглядела таким чудовищем. Ведь это она его ужином потчевала, улыбалась ему, и спал он под её тёплым крылом. Господи! Как же сладко он дрыхнул! Даже в ласточкином гнезде не было так тепло.

Тут он почувствовал бурчание в желудке. И отчас отправился к остаткам своего ужина. Вот уж был ужин, о котором и впрямь можно было сказать «царский». И ещё остался почти целый колосок зёрнышек, который ему, бог знает откуда, принесли эти хваты. Смотри-ка! Да ещё и несколько ягод сухого винограда.

За всё это он принялся с аппетитом, а Хватица при этом так мило посвистывала, словно подбадривала его.

— Ох, сейчас лопну. Как же я до дома доберусь? — Вздохнул Тулко и попытался поскакать. — Пожалуй, мне даже на тот бук не взлететь, так я напичкался, — добавил он.

— Об этом, Тулко, ты не беспокойся. Ты не так уж далеко от дома. Хват потому так долго летал с тобой над горами, чтобы нас никому не выдать. Но ты-то нас не выдашь, и ещё прилетишь к нам, — говорила ему Хватица.

— Ох, а у вас таких грозные глаза, — ответил Тулко и впрыгнул ей на спину.

— Этого ты, Тулко, не бойся. Это лишь для того, чтобы издалека видеть мышь или врага.

— И клюв у вас такой же кривой, как у Бубу, — продолжал он.

— Так и должно быть. Иначе как бы мы добывали мясо из крыс, если уж наш желудок траву не переваривает.

— А зачем вы прячетесь в горах? Я, как видите, по двору скачу и даже Байуза не боюсь.

— Ах, Тулко, у нас много врагов. Уж я-то знаю. Ведь я уже много раз видела прилёт ласточек. Но, полагаю, так уж заведено, что у каждого существа есть свои враги. И самым главным врагом для нас является тот самый лесник, на гумне которого ты живёшь. И даже не столько он, сколько его деревянная дубинка. Наставит её, громыхнёт, ударит молния, и даже те, кто высоко в облаках, падают на землю. Вот и моего мужа Канюра в прошлом году он свёл со света, и с той поры я осиротела. А ведь толком даже не знаю, за что он нас так ненавидит. Питаемся мы большей частью мышами да крысами, которые ему только вред приносят. А если иногда, когда нет ни мышей ни крыс, схватим какого-нибудь цыплёнка, так это голод нас вынуждает. Ведь он и сам приносит вред и поедает всё, что только видит. Но, видишь ли, Тулко, так уж устроен мир. Желудок — источник всякого зла. Он самый главный враг. Если бы все существа на земле питались воздухом и его для всех было бы вдоволь, тогда и не было бы причин для ненависти.

— Ох, а я бы уже домой отправился, если бы дорогу знал, — с тревогой произнёс Тулко.

— Не спеши, — уговаривала его Хватица, — ведь у тебя вдоволь времени, а у нас с тобой ничего не случится.

Тулко не ответил, но его беспокоило, что нового дома. И так ему хотелось немного подразнить Байуза. Чтобы не думал Байуз, что он боится его и прячется от него. Как бы не так!

Старая Хватица заметила, что Тулко что-то беспокоит, и потому больше его не задерживала.

— Тулко, ты спас Хвата. Сейчас я отнесу тебя домой. Хорошенько запомни дорогу. Но чтобы нас потом не выдал. А когда тебя кто-нибудь обидит или тебе чего-нибудь захочется, стоит только прийти и сказать нам. Хищники тоже умеют быть благодарными.

Потом она бережно взяла его в когти, взлетела с ним высоко над вершинами и так пронзительно засвистела, что в долинах отозвалось и все пернатые спрятались, обезумев от страха. Они летели как раз над лесничеством, которое показалось Тулко таким крохотным. Стая кур и уток с криком убегали с луга под навес. Из дома вышел лесник, осмотрелся на все четыре стороны, потом направил вверх свою дырявую дубинку и воздух сотрясся от выстрела.

— Напрасно стараешься, умник, слишком высоко, — отвела душу Хватица и, как ни в чём не бывало, продолжала полёт. — Люди думают, что только они обладают разумом, а мы защитить себя не умеем.

Пролетали они над гумном. Хватица распустила когти, ещё раз пронзительно свистнула и полетела прочь. Тулко падал вниз. Уселся он на фронто́н гумна и с облегчением зачирикал:

*Чив-чия,
Вот и я.*

Что было, то было.

Вот он я.

На гумне никого не было. Тулко решил, что отправится в своё гнёздышко подремать немного. И долго не раздумывал. Стремглав шмыгнул туда, повернулся головой к летку и зачирикал. Потом лапками подгрёб под себя перья. Вспомнил о хватах и хватницах. Вод ведь, не такие они и злые. А эта Хватица! Ведь это настоящее страшилище, с такими горящими глазами. Уж точно, страшнее чем у Бубу. А как хорошо ему спалось у неё под крылом! Он её ещё проведает. Подожди, Байуз, только сделай мне что-нибудь, она тебя вздует.

***

Журчал ручеёк, а ласточки сидели на ветке совершенно без сил. Вот какая дорога! Мозоли под крыльями так и горели. Зато уж комариков тут будет вдоволь, на склонах зазвучит фуяр, из глины построятся новые гнёздышки, вот как оно будет.

— Посмотри, Чимра, мы уже на месте. И нет нужды строить новое гнездо. Очистим старое, наносим туда перьев, быстро обмажем его глиной и будет оно у нас как новое. Почему бы и нет?

Так ободрял он Чимру, а сердечко у него дрожало от радости, что уж теперь-то всё у них будет хорошо.

Чимра не отвечала. А ведь ей только того и хотелось, чтобы пощебетать. От радостного ожидания у них дыхание замерло.

Вскоре оба они прицепились к своему гнезду. Шико зачирикал, а Чимра постучала по гнезду.

Из гнезда донёсся сердитый голос.

— Ах вы негодники, такие-рассякие, я вам покажу, вот подождите, уж я вам задам, только посмейте, позову Хватицу, и вас, таких-рассяких...

Шико и Чимра остолбенели. Они даже улететь забыли, только посторонились от летка. Появился чёрный сильный клюв Тулко.

— Чего вам тут надо, такие-раздакие. Стоило только задремать, уже беспокоят. Ну, подождите, вот выберусь, быстро намну вам бока, Хватицу позову, уж я вам задам.

Тулко и бранился, и грозился. Однако при этом он с опаской выглядывал из гнезда, чтобы самому не получить по носу.

Шико и Чимра уселись неподалёку на доску и грустно смотрели друг на друга. Как они радовались своему гнезду, а его вдруг занял какой-то проныра. Тулко тем временем продолжал угрожать и браниться.

Шико посмотрел на Чимру.

— Беда, беда.

— Вот уж точно беда, — отвечала ему печально Чимра.

— А как я радовался.

— И я.

— Что делать будем?

— Я не знаю.

— Придётся новое строить.

— Пожалуй.

— Но оно должно будет высохнуть.

— Верно.

— А ты, к тому же, и лепить как следует не умеешь.

Вдруг раздался голос Тулко, который отважился сесть перед гнездом на другую доску, когда убедился в том, что нарушители его покоя так малы.

— Как вы осмелились, ничтожества! Я в доме хозяин, и я вам покажу!

Шико и Чимра только жались друг к другу и ничего не отвечали. Тулко присмотрелся к ним, и когда увидел их опущенные крылышки и понурые головы, подсел поближе.

— Ну, так что с вами приключилось, что вы расселись тут, словно мокрые щенята?

Шико отвернулся, чтобы даже не видеть его.

— Ты занял наше гнездо, — боязливо ответила Чимра и прижалась к Шико.

— А почему бы мне его и не занять? Ах вы, такие-рассякие. Да я тут зимой едва не замёрз. А оно свободно, и я его вычистил, вот оно и моё, а вам... вот прямо сейчас позову Хватицу.

Тулко ругался и сыпал угрозами, но голос его был уже не так враждебен. Чимра только глянула на него, и все ругательства застряли у воробья в горле. Смотри-ка, как они несчастны. Эти крохи. Боятся его, а ему-то даже с жуком-рогачём приходится бороться. Чего доброго... ну... ещё подумают, что он хуже старой Бубу. Ну, уж нет!

— Послушайте, я знаю, что вы непутёвые. Я вычистил это гнездо. Но я вам его верну, так и знайте. Но рядом там есть другое гнездо, поможете мне починить его, и будем квиты. Я с вами ссориться не стану.

Тулко отлетел на фронтон, откуда донеслось его чириканье.

Чив-чия.

Вот и я.

Было гнездо

И нет ничего.

Вот какой я.

И чего бы ради он с ними марался? Бедолаги, только-только явились, и ничегошеньки у них нет. А он найдёт себе другое, и делу конец. Ведь тут есть ещё несколько свободных гнёзд. Только глупцы хнычут из-за одного гнезда. Подумаешь. Одно гнездо. Да они просто лентяи.

Он вернулся к ним.

— Говорил же я вам, что вы растяпы. Что там с хаткой? Думаю, можно было бы и помочь мне. Только не смейте раскисать. Из-за гнезда. Пожалуй, уже могли бы приняться за дело.

Шико глянул на Тулко и глаза его увлажнились. Неужели это правда? Этот воробьишка уступить им их собственное гнездо. Такого ещё не бывало. Ведь что гнездо! Его слепить недолго. Но это их гнездо, которое он построил вместе с Чимрой.

Он глянул на Чимру. Чимра задрала клюв к облакам и сложила крылышки вдоль хвоста. Глазах её засверкали особенным неопишным огнём.

Его потревожило ворчливое чириканье Тулко:

— Ну, так что? Я вас ещё и упрашивать должен?

— А кто ты такой и как зовут тебя? — осмелился спросить Шико.

— Да ты и впрямь глупец, если меня не узнал. Там живёт Хватица, спроси у неё. Она тебе расскажет. Я вам не кто попало. Чтобы гнездо у меня было в полном

порядке. Я — это я, и я вам ещё покажу.

Тулко ворчал и ругался, но в его чириканье не было ничего угрожающего. И Чимра осмелела, зачирикала:

— Чия-шви.

Шико сделал ей замечание.

— Подожди, это потом. У нас будет наше гнездо. Там и запоём. А сейчас надо помочь ему.

— Эх, говорил же я вам, что только хныкать умеете, а на работу вас надо палкой загонять, — ворчал Тулко. Не так уж важно было ему это гнездо. Порядочному воробью и за трухлявой доской сладко спится. Но пусть они не думают, что торгуются с каким-нибудь безродным. Ну уж нет. Пусть только спросят у Хватицы.

— Тут хорошо. А там большая дыра. Её надо заделать. Иначе не подёт. И всё тут вычистить. Так и знайте. На жёстком я тоже спать не буду.

Потом он уселся на насест и смотрел на этих обрадованных бедолаг. Гнездо и в самом деле было хорошим, почему бы им его и не уступить? И без того скоро лето, и тогда воробью нечего бояться. А на зиму, когда все улетят, он снова там поселится. Так оно и будет. Но провести себя он не позволит. Он проследит, как они будут работать.

Тулко сидел на доске и изучал, какое гнездо лучше. То, что на стене, совсем новое, но это только пол-гнезда. Похоже, его строили какие-то халтурщики. Думаю, им в такое гнездо не захочется. Ну и хорошо. В зной там обдувает ветерок, и можно ускользнуть, если вдруг объявится Бубу. Стало быть, не халтурщики его строили.

А то, что на столбе? Оно и вовсе хорошее. Закрыто со всех сторон. Там и ветерок не дует. Если бы оно не было так испачкано. Ну... однако... они перед ним в долгу.

И тотчас распорядился:

Чив-чия.

Хатка моя

Будет на столбе.

Вот где я.

Шико и Чимра вокруг него буквально увивались. Их чириканье и сотне старых воробьёв, пожалуй, было бы непонятно.

«Стоило так покой нарушать», — размышлял Тулко. — «Шли бы лучше ремонтировать и чистить гнездо».

— Но смотрите, чтобы я мог там поместиться, — распорядился Тулко. — Я не такой заморыш, как вы.

— Чия-я-шви, — доносилось весёлое чириканье Чимры. Она была так рада. Разрезая воздух в головкружительных виражах, она и сама не знала о чём поёт.

— Ну, пойдём, у нас ещё будет время порезвиться. Ты будешь носить мне глину, а я буду лепить, — одёргивал её Шико.

Вот уж было чириканья! Ни одно дело не делается так быстро, как то, которое выполняется с удовольствием. Чимра носила глину, а Шико всё приводил в порядок. Потом Чимра принесла два клочка шерсти, которые нашла в овчарне, их запихнули в гнездо.

Тулко с насеста наблюдал за тем, как спорится дело. Нет у них ума даже с маковое зёрнышко. Дурни. Добро, для себя старались бы. И всё же следовало посмотреть. Пусть не думают.

— Ну, посмотрим, что получается. Так и знайте. Кое-как у меня не пройдёт. Шико и Чимра уселись на насест. Тулко просунулся в гнездо. О-го-го! Это было что-то! Какая шерсть... и вид замечательный. Точно! Ну, хорошо...

Умиротворённый, он высунул чёрны клюв:

Чив-чия.

Вот и я.

Что за гнездо —

Хатка моя!

Шико посмотрел на Чимру. Он был доволен. Теперь их гнездо свободно. Ведь это их старое гнездо, в котором им так чудно спалось после дневных трудов.

Чимра тоже не сдержалась. Какой же добрый этот воробей. Она просто обязана пропеть:

Тулко-ужасный злится,

Кота не боится.

***

Светало. Крестьяне шли в поле и солнышко уже всходило. В меже сидел жаворонок Шких и жалобно пел. Ему и вовсе не хотелось взлетать под облака. Там высота и холодно. Он лучше поспал бы ещё немного. Однако, хочешь не хочешь, а должен петь. И так каждое утро! А людям кажется, что он поёт для собственного удовольствия.

Вот и запел:

Вознесусь над землёй

Прямо к солнышку.

Для меня луг родной,

Для меня луг родной

Словно зёрнышко.

Он хотел подняться так высоко, чтобы можно было любоваться вершинами гор. Хотеть-то хотел, да не мог. Потому и прятался в меже, чтобы его какой-нибудь Хватище не углядел.

Укрылся он под клочком прошлогодней травы.

Над межей стоял почти сухой боярышник. На самую сухую ветку дерева села ласточка. Это был старый Чвок, который уже три раза перелетал через эту огромную лужу. Все его слушали, поскольку темечко у него было совсем голым, а это у ласточек знак самого высокого отличия.

Сидел он тихо и смотрел вокруг. С гомоном подлетали другие ласточки. Все они были ещё такими неловкими. Без толкового совета даже гнезда построить не умели. Такие вот непутёвые.

Наконец-то слетелись. Чвок на них напустился:

— Эх вы, непутёвые! Стыдно мне за вас. Сидят на ветках, коченеют. А ведь есть дела и поважнее. Воробьи позахватывали гнёзда, которые построили наши отцы. А вам до этого и дела нет. Вы своим не дорожите. Видно, среди вас немало трусов.

Чвок так бранился, что ласточки от страха прижимались друг к другу. И было из-за чего. Ласточки избрали его предводителем, он должен был защищать гнёзда, чтобы их не занимали нахальные воробьи, а тут — ты только глянь! Шико и Чимра ещё и помогали Тулко. Ну разве это не позор на весь достославный ласточкин род?

Стояла тишина. Никто даже пикнуть не отважился. Какое там! Если Чвок разъярится, быть беде. А он был очень зол. Он был их вождём. Великим вождём!

— Довольно болтать, сидите молча, — продолжал Чвок. — Шико и Чимра не могут оставаться меж нами. А это воробей — смерть ему. Так гласит закон нашего славного рода. Сейчас всем чистить гнёзда, а вечером — все на гумно. За работу!

Вся стая в одно мгновение рассыпалась. Того, кто посмел бы ослушаться приказа, ожидала суровая кара. Он должен был съесть мохнатого шмеля, а Чвок собственным клювом вырвал бы ему одно пёрышко из хвоста, чтобы впредь он каждому был заметен. Это было самым большим позором для каждой ласточки, ибо каждый над ней надсмехался, что ей комар полхвоста откусил.

Каждый хорошо знал, что ожидает Тулко, и заранее приготовил порядочный комок глины.

***

Тулко сидел на столбе и вспоминал о той Хватице. Какая же она добрая — это старое чудище. И как сладко спится под её крылом. А ведь она звала, чтобы он приходил. А почему бы и не пойти?

Он уже собрался было лететь, как вдруг почувствовал резкий удар. Сам не понял, как долетел до черешни. Только там он осмотрелся. Он дрожал всем телом. На столбе сидел кот Байуз и с аппетитом облизывал голодную пасть. Как незаметно он туда пробрался. Если бы Тулко не солбился лететь, этот котище его поймал бы. Несносный нытик.

Байуз сконфуженно отправился на сеновал. Ох уж этот воробей. Давно он за ним охотится и никак не поймает.

Он облизал нос и задремал. И снилось ему, что он Тулко повывёргивал перья и сейчас гоняет его по двору, вот-вот зажмёт между передними лапами, а коты со всей округи с завистью наблюдают за тем, как он ловит воробья.

Тулко сидел на черешне. Понемногу он оправился от страха. Байуз лишь слегка оцарапал ему спину. Но это не так больно. Разве что испугался немнорго.

Он сел над котом. Байуз похрапывал. На стене воробей заметил небольшое осиное гнездо. Осиное семейство старательно трудилось.

В голову Тулко пришла чертовски озорная мысль. Он осторожно протиснулся под обивку и ну клевать. Осы пришли в ярость и выбрались на гнездо. Они понять не могли, откуда исходит угроза.

Гнездо наконец поддалось и... упало прямо перед Байузом.

А Байузу снился замечательный сон, что он поймал воробья и вот сейчас с таким удовольствием его обнимет. Сон было таким достоверным, что кот потянулся и принялся обнимать и нализывать гнездо. И тотчас вскочил словно молния, поскольку на носу и на языке ощутил обжигающий огонь боли. Вся шкура его была усыпана осами. В нос впилось как минимум десятков. Он принялся скакать и мяукать словно умалишенный. Потом убежал в сам, тёрся носом о траву и страшно ругался.

Когда боль понемногу утихла, подавленный он вернулся на гумно. Посмотрел на фронтон. Голова у кота была похожа на горшок, а глаза почти совсем заплыли. На фронтоне сидел Тулко и чирикал:

Чив-чия,

Осы за меня.

Ох уж этот воробей. Он ещё и смеётся. Мне бы крылья. Порвал бы его на мелкие кусочки.

***

Когда заходило солнышко, на гумне происходили важные события. Слетелись ласточки со всей округи, и у каждой в клюве был комочек глины. Им не нужно было команды. Каждый знал, что надо делать. А Чвок с фронтона наблюдал, как исполняется закон достославного рода ласточек.

Тулко ничего не почувствовал. Когда он проснулся, ему стало как-то душно. Он глянул на леток и остолбенел. Выход был замурован. Только через маленькую щёлочку просачивалась узкая полоска света.

Он попытался высунуть головку. Не сомг. Глина за ночь затвердела. Тогда воробей зачирикал печально:

*Чив-чия,
Жизнь моя
Кончена.
Вот я.*

— Чия-я-шви.

Тулко словно очнулся после кошмарного сна. Это был голос Чимры. Точно, её голос. А она добрая птаха. Как-никак, помогала ему.

— Это ты, — прочирикал Тулко

— Ну, я.

— А чего хочешь?

— Я? Ничего.

— А меня кто замуровал?

— Так приказал Чвок.

— Освободи меня.

— Я не смею. И не смогу.

— Хм. А знаешь ли ты Тюка?

— Я? Нет, не знаю.

— Какая же ты глупая.

— А ты балбес.

— А ты красавица. Весь свет только и говорит о том, какой у тебя красивый хвостик.

— И всё равно ты балбес.

— Это я знаю. Но я тебя очень люблю. Ты самая красивая из ласточек.

Чимре очень льстило признание Тулко, а это уже кое-что.

— А что он, этот Тюк? — спросила она у Тулко.

— Ну, видишь ли, это такой мудрый дятел. Позови его и скажи, что в этом гнезде есть большой жук-олень и одна красивая ласточка.

— А она не красивее меня? — спросила Чимра.

— Конечно же, нет. Ты самая красивая из ласточек.

— Чия-я-шви, — просвистело в воздухе, и Чимра взвилась в небо, чтобы найти этого... как же его зовут? Тюка, который умеет ценить красоту.

Она прилетела в лес. Там было сумрачно. Все птицы чирикали в кружинах, и только дятел Тюк обстукивал полые стволы. Поэтому Чимра без труда нашла его.

— Тюк.

— Оставь меня в покое.

— Тюк.

— Я и сам знаю, как меня зовут.

— Полетели со мной.

— Мне некогда.

— А как насчёт поесть?

— Я думаю, не отвлекай меня.

— А я тебе нравлюсь?

— Нет.

— Какой ты дурак.

Разумеется, это Тюка допекло.

— Ух, лихоманка тебя разбери. Ну, подожди. Уж я тебе задам, — и он кинулся за Чимрой, но догнать её не смог. Сел на сухую ветку ореха, тотчас забыл обо всём и принялся стучать так, что только щепки полетели во все стороны. Чимра порхала вокруг.

— Тюк, а я знаю, где прячется жук-олень.

— Не ври.

— Нет, точно.

— Не трепли языком.

— Ей богу!

— Ну и где же?

— Лети за мной.

Тюк забыл обиду и полетел за Чимрой. Он мечтал о жуке-олене. Вот это был бы ужин, о-го-го!

Прилетели они на гумно.

— И где же тут жук-олень?

— А ты сядь на стенку, к тому гнезду, и послушай.

Тюк прицепился к гнезду. Первым делом, как водится, он постучал немножко, чтобы напугать червей, а потом внимательно слушал. Действительно, оно было пустотелым, а внутри что-то шуршало и скреблось. И, судя по всему, это что-то было большим. Он принялся долбить. Вскоре дыра была достаточно большой. Он сунул туда клюв, внимательно принюхался и тотчас вытащил его.

— Фу. Там вонь. Кто же это ест, — он отлетел на черешню, фыркал и вытирал о кору клюв.

Тулко выбрался из гнезда. Какая свобода. Он уселся на фронто́н и зачирикал:

Чив-чия.

Вот и я.

Как хорошо

Жизнь моя!

На куче половы сидели несколько пожилых воробьих. Они по привычке копошились в трухе и судачили о самых важных событиях.

— А я говорю вам, что мы должны этого воробья женить, — чирикала одна.

— Это верно, душа моя, — поддакивала ей другая. — Ведь это уже слишком.

Такой взрослый юноша и никакого толку. Что же из него, душа моя, будет? Вот уже и тепло настало, скоро черешни появятся, а он хоть бы что. А ведь Тулко — он такой сильный, и осторожный, и заботливый. За него бы, душа моя, любая пошла.

Воробьихи до самого вечера щебетали только о Тулко. Против него настоящий заговор образовался. Ведь это было бы позором, если бы такой воробей остался без красивой пепельно-серой воробьихи, которых на одного приходится с добрый десяток. Так не должно быть.

Тулко предусмотрительно сел на самую верхнюю ветку черешни, чтобы Байуз не застал его врасплох. Он любовался луной и ебму было так хорошо.

— Тулко.

Тулко очнулся. Это была свистунья Пипка, его ровесница.

— Чего тебе? — спросил он.

— Тулко, со всех сторон о тебе только и слышно, что ты самый умный на свете. А ещё я слышала, что тебя хотят избрать вождём всех воробьёв.

Тулко прислушался. Ох, и ловкая же эта Пипка. Как красиво она чирикает. А прежде он этого не замечал. И какую замечательную новость она ему принесла. Хм, это было бы неплохо... А она была бы замечательной жёнушкой. На такую сейчас, весной, все воробьи должно быть заглядываются.

Он подлетел к ней поближе.

— А знаешь, Пипка... — он не знал как продолжить.

А Пипка смотрела на него, склонив голову. Так нежно смотрела.

Тулко осмелел:

Чив-чия.

Выходи за меня.

Гнездо построю,

От всех врагов укрою.

Пипка полетела домой похвастаться, что одержала верх над Тулко.

— А я и так знала, — чирикала старая воробьиха. — Придёт весна, солнышко пригреет, и ни один воробей не устоит. Вот так-то, старый. Пойдём-ка, надо им поначалу помочь.

А Тулко и на гумне распевал о Пипке:

Чив-чия,

Подруга моя

Будет со мной.

Я счастлив, друзья.